

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КОКОШКИНА ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба по. 2052/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

29 мая 2009

Настоящее постановление вступит в силу при условиях, оговоренных в § 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле Кокошкина против России

Европейский Суд по правам человека (первая секция), заседая палатой в составе:

Христос Розакис, *председатель*,

Нина Ваич,

Анатолий Ковлер,

Дин Шпильманн

Свер Эрик Стайнер,

Джорджио Малинвери,

Георге Николау, *судьи*,

и Серен Нильсен, *секретарь секции*,

посовещавшись при закрытых дверях 7 мая 2009 года, вынес в этот день настоящее постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ 2052/08) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданкой России г-жой Натальей Константиновной Кокошкиной 24 декабря 2007 года.

2. Заявитель была представлена г-ном Ф. Багрянским и г-ном М. Овчинниковым, адвокатами, практикующими во Владимире. Правительство России (далее – «Правительство») первоначально было представлено г-жой В. Милинчук, бывшим Уполномоченным Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека, а в дальнейшем Уполномоченным г-ном Г. Матюшкиным.

3. Заявитель жаловалась, что она содержалась под стражей в бесчеловечных условиях и что ее содержание под стражей было чрезмерно длительным.

4. 7 марта 2008 года Суд решил коммуницировать жалобу Правительству. Также было принято решение рассмотреть доводы по существу жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости (статья 29 § 3). Председатель принял решение дать приоритет данной жалобе (Правило 41 Регламента Суда).

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель родилась в 1980 году и проживает в Московской области.

А. Уголовное дело в отношении заявителя

6. 3 октября 2006 года заявитель была задержана по подозрению в незаконном обороте наркотических средств. В неустановленный день ей и другим семи лицам были предъявлены обвинения.

7. 3 октября 2006 года Подольский городской суд Московской области оставил ее под стражей. Он сослался на тяжесть обвинения и счел, что она может скрыться, совершить новое преступление, запугивать свидетелей, уничтожить доказательства или вмешаться в расследование каким-либо другим способом.

8. Заявителем была подана кассационная жалоба. Она указывала, что не имеет намерения скрываться или вмешиваться в расследование, и просила суд освободить ее под залог. Она имела постоянное место жительства и работы, положительные характеристики и не была судима.

10. 30 ноября 2006 года Подольский городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 7 февраля 2007 года, ссылаясь на тяжесть обвинения, риск того, что она скроется, совершит новое преступление или вмешается в производство по делу, а также на необходимость дальнейшего расследования. В частности, он отметил, что необходимо прослушать 126 записей телефонных переговоров заявителя, произвести экспертизы этих записей, произвести дактилоскопическую, физико-химическую и психиатрическую экспертизы, предъявить заключения экспертов обвиняемым и адвокатам и составить обвинительное заключение.

11. Заявителем была подана кассационная жалоба. Она повторила аргументы, изложенные в предыдущей жалобе, а также указала, что городской суд не проверил, каким образом она могла бы вмешиваться в проведение экспертиз или препятствовать прослушиванию записей. Она также указала, что ее брат смертельно болен раком.

12. 19 декабря 2006 года Московский областной суд оставил постановление о продлении без изменения, сочтя, что оно законное и обоснованное.

13. 1 февраля Подольский городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 3 апреля 2007 года, ссылаясь на тяжесть обвинения, «ее активную роль в совершении преступления», ее лидерство в организованной преступной группе, ее отказ сотрудничать со следователем и отказ назвать своих соучастников, на риск того, что она скроется, совершит новое преступление или вмешается в производство по делу, а также на необходимость дальнейшего расследования. В частности, он указал, что необходимо прослушать 123 записи телефонных переговоров заявителя, провести экспертизу этих записей, установить других членов организованной преступной группы, установить и допросить свидетелей, которые могут

располагать информацией о деятельности группы, проверить, была ли заявитель вовлечена в совершение других преступлений, связанных с оборотом наркотических средств, предъявить окончательные обвинения ей и ее семерым соучастникам и выполнить другие следственные действия.

14. 13 февраля 2007 года Московский областной суд оставил постановление о продлении без изменения.

15. В неустановленный день следователь ходатайствовал о дальнейшем продлении срока содержания заявителя под стражей, указывая, что расследование не завершено. Необходимо прослушать 51 запись телефонных переговоров заявителя, выполнить экспертизы этих записей и предъявить результаты обвиняемым и адвокатам, установить и допросить свидетелей, которые могут располагать информацией о деятельности группы, обнаружить одного из соучастников, который скрылся, выяснить, были ли обвиняемые вовлечены в совершение других преступлений, связанных с оборотом наркотических средств, предъявить ей и ее семерым соучастникам окончательные обвинения и выполнить другие следственные действия.

16. 2 апреля 2007 года Подольский городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 3 июня 2007 года, ссылаясь на тяжесть обвинения, необходимость дальнейшего расследования, и риск того, что она может скрыться, совершить новое преступление или вмешательство в расследование. 11 апреля 2007 года Московский областной суд оставил постановление о продлении без изменения.

17. В неустановленный день следователь ходатайствовал о дальнейшем продлении срока содержания заявителя под стражей, указывая, что расследование еще продолжается. В частности, не было завершено проведение экспертиз записей телефонных переговоров заявителя, и некоторым из соучастников заявителя еще не было предъявлено обвинение. Заявитель отказалась сотрудничать со следствием, и имелся риск того, что в случае ее освобождения она может скрыться, совершить новое преступление или оказать давление на свидетелей.

18. 31 мая 2007 года Подольский городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 3 октября 2007 года. Он отметил, что заявитель обвиняется в совершении особо тяжкого преступления и что необходимо дальнейшее расследование. Цель ее содержания под стражей – гарантия того, что расследование будет эффективно проведено в надлежащий срок, а также гарантия устранения риска того, что она скроется, совершит новое преступление или препятствует производству по делу.

19. В своей кассационной жалобе заявитель жаловалась на то, что выводы суда не основаны на релевантных фактах. У нее имелось постоянное место жительства и работы, положительные

характеристики, отсутствовали судимости. Не имелось доказательств каких-либо попыток вмешаться в расследование, как с ее стороны, так и со стороны других обвиняемых, которые не содержались под стражей.

20. 13 июня 2007 года Московский областной суд оставил постановление о продлении без изменения.

21. 24 сентября 2007 года Московский областной суд продлил содержание заявителя под стражей до 3 февраля 2008 года, ссылаясь на тяжесть обвинений, необходимость дальнейшего расследования и риск того, что она скроется или вмешается в расследование.

22. Заявителем была подана кассационная жалоба. В своей жалобе она жаловалась, в частности, что продолжительность ее содержания под стражей превысила «разумный срок» вопреки требованиям статьи 5 § 3 Конвенции. Она указала, что все доказательства уже собраны и расследование завершено, за исключением некоторых чисто процессуальных формальностей. Далее она утверждала, что вывод областного суда о том, что она может скрыться или вмешаться в расследование, является гипотетическим и не подтверждается релевантными фактами. Суд проигнорировал ее аргументы о том, что у нее есть постоянное место жительства и работы, положительные характеристики, отсутствие судимости и то, что ее брат смертельно болен. Она также жаловалась на бесчеловечные условия ее содержания под стражей, в части, переполненность, недостаточное количество спальных мест и плохие санитарные условия. Она просила суд применить более мягкую меру пресечения.

23. 30 ноября 2007 года Верховный Суд Российской Федерации оставил постановление о продлении без изменения. Он указал, в частности, что максимальный восемнадцатимесячный срок содержания под стражей, установленный национальным законом, не был превышен.

24. 18 января 2008 года Московский областной суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 3 апреля 2008 года. Он отметил, что обвиняемые и их защитники знакомятся с материалами многотомного дела и следователю необходимо время для направления дела в суд. Он сослался на сложность дела, количество обвиняемых, тяжесть предъявленных заявителю обвинений и ее лидерство в организованной преступной группе. Аргументы заявителя о том, что ее личность положительна, недостаточны для освобождения. Суд счел, что она может совершить новое преступление, скрыться или запугать свидетелей. Суд также отказал в просьбе заявителя освободить ее под залог в размере 100,000 рублей (примерно 2,800 евро), сочтя, что не имеется причин для изменения меры пресечения.

25. В своей кассационной жалобе заявитель просила освободить ее из-под стражи. Она жаловалась на то, что суд не привел оснований для

отказа в ее просьбе о залоге, и предложила внесение большей суммы залога, если предложенная сумма недостаточна. Она привела довод о том, что продолжительность ее содержания под стражей превысила «разумный срок», и что следственные органы не проявили особого усердия при проведении расследования. В частности, они затянули направление дела в суд. Далее она утверждала, что не могла бы более вмешиваться в расследование, поскольку оно завершено, все свидетели допрошены и вещественные доказательства собраны. В заключение, она также жаловалась на переполненность [камеры], нехватку спальных мест и плохие санитарные условия в следственном изоляторе, и указывала, что совокупность этих факторов, которым она подвергалась в течение многих месяцев, уже привели к ухудшению ее здоровья.

26. 13 марта 2008 года Верховный Суд оставил постановление о продлении без изменения, сочтя, что оно было законным, надлежаще мотивированным и обоснованным.

27. 17 марта 2008 года Московский областной суд продлил содержание заявителя под стражей до 3 июля 2008 года. Он указал, что обвиняемые и их адвокаты изучают материалы дела, и следовательно необходимо время для подготовки дела к направлению в суд. Он сослался на сложность дела, количество обвиняемых, тяжесть обвинений против заявителя и ее лидерство в организованной преступной группе. Он также отметил, что тестирование заявителя на предмет употребления наркотиков было положительным, следовательно, имелись основания полагать, что она может скрыться, совершить новое преступление, запугать свидетелей или вмешаться в производство по делу каким-либо другим образом.

28. Заявитель подала кассационную жалобу, повторяя свои доводы, изложенные в предыдущей жалобе. Она также привела довод о том, что тестирование на предмет употребления наркотиков было проведено уже давно, и его результаты нерелевантны для заключения о наличии риска того, что она скроется, совершит новое преступление или вмешается в производство по делу.

29. 7 мая 2008 года Верховный Суд отменил решение о продлении и постановил освободить заявителя из-под стражи под залог в размере 100,000 рублей. Он счел, что областной суд не привел достаточные основания для оправдания продления срока содержания заявителя под стражей до 21 месяца. В частности, он счел, что согласно национальному законодательству сложность дела может служить оправданием только для 12-месячного содержания под стражей и не может оправдать продление срока содержания под стражей свыше данного предела. Вывод областного суда о том, что заявитель может скрыться, совершить новое преступление или вмешаться в производство по делу, не подтвержден релевантными фактами или

доказательствами. Областной суд проигнорировал такие относящиеся к делу факты как положительные характеристики заявителя, постоянное место жительства и работы и ее семейную ситуацию. Он не принял во внимание недавнюю смерть ее брата, которая уменьшала риск того, что она скроется, поскольку при таких обстоятельствах она, естественно, желала быть со своей семьей. Поскольку расследование было завершено и свидетели допрошены, риск вмешательства в производство по делу также был незначительным. Результаты тестирования на предмет употребления наркотиков были нерелевантны для заключения о наличии риска совершения заявителем нового преступления, так как тестирование было проведено сразу же после задержания, то есть более чем год назад, и не было каких-либо медицинских сведений о том, что заявитель является наркозависимой. Верховный Суд далее сослался на слабое здоровье заявителя и «ее обоснованные жалобы на бесчеловечные условия содержания ее под стражей, которые повлекли ее унижение и подвергали опасности ее здоровье». В завершение, он счел, что областной суд не рассмотрел возможность применения более мягкой меры пресечения, хотя заявитель просила освободить ее под залог.

30. В тот же день заявитель внесла залог и была освобождена из-под стражи. Насколько известно, уголовное судопроизводство в отношении заявителя по-прежнему продолжается.

В. Условия содержания заявителя под стражей

31. С 11 октября 2006 года по 7 мая 2008 года заявитель содержалась под стражей в следственном изоляторе ИЗ-50/3 в городе Серпухов, Московская область.

1. Количество заключенных в камере и количество спальных мест

32. Согласно справке от 10 апреля 2008 года от администрации учреждения, представленной Правительством, с 11 октября по 17 сентября 2007 года и с 25 сентября 2007 года по 7 мая 2008 года заявитель содержалась в камере № 32 размером 21,2 квадратных метра. Камера была оборудована 8 койками, и в ней размещалось от 5 до 8 сокамерников. В подтверждение своего утверждения Правительство представило копии выдержек из регистрационных журналов, демонстрирующих количество заключенных на 11 октября, 4 ноября и 8 декабря 2006 года, 19 января, 6 февраля, 2 апреля, 3, 14, 15, 21, 22 и 23 мая, 6 и 7 июня, 8 и 9 июля, 9 августа, 4 и 17 сентября, 11 октября, 13 ноября и 18 декабря 2007 года, и 11 января, 6 февраля, 11 марта и 9 апреля 2008 года. В дальнейшем Правительство утверждало, что заявитель все время имела отдельное спальное место, и что ей были

предоставлены чистые постельные принадлежности и матрас, который был 6,5 сантиметром толщиной.

33. Заявитель не оспаривала размеры камеры или количество коек. Однако она не согласилась с количеством заключенных, указанных Правительством. Согласно ее утверждениям, в камере № 32 размещалось до 12 заключенных. Временами заключенные не имели индивидуальной койки и были вынуждены спать по очереди. Металлические койки были покрыты тонкими матрасами. Заявитель, страдавшая от болей в спине, была вынуждена засовывать прокладку из журналов между металлическим каркасом и матрасом, чтобы сделать постель мягче.

2. Санитарные условия и оборудование, температура, питание и водоснабжение

34. Правительство утверждало, что в камерах было естественное освещение из окон. В каждой камере имелось 2 окна размером 1,44 метра в ширину и 1,60 метра в длину. Окна были покрыты металлической решеткой. Ячейки металлической решетки, размером 10 сантиметров в ширину и 20 сантиметров в длину, позволяли проникать естественному свету. Также камеры были оборудованы флуоресцентными лампами, которые работали в течение дня и ночью. Заявитель утверждала, что окна были покрыты толстой металлической решеткой, которая мешала проникновению естественного света. Размер ячеек решетки был не более 5 сантиметров на 5 сантиметров. Искусственный свет был тусклым и не позволял заключенным читать или писать. Поскольку искусственный свет никогда не выключался ночью, это мешало заявителю спать.

35. Правительство указало, что каждая камера была оборудована вентиляционной системой. Также они проветривались естественным путем через окна. Правительство допускало, что на расстоянии 62 метров от следственного изолятора находился свинарник. Правительство настаивало, однако, что окна камеры заявителя выходили на противоположную сторону. В учреждении не было насекомых или грызунов, поскольку все камеры подвергались дезинфекции каждый месяц. Это следует из справки администрации учреждения от 10 апреля 2008 года, согласно которой камеры регулярно подвергались чистке для уменьшения количества грызунов и насекомых. Заявитель утверждал, что принудительная вентиляция отсутствовала, и что в камерах было душно и накурено. Также стояла сильная вонь, поскольку окна выходили на свинарник. Камеры кишели мухами, комарами и вшами. Заключенные были вынуждены стирать в камере, в результате чего образовывалась повышенная влажность.

Потолок был покрыт плесенью. Некоторые заключенные страдали от туберкулеза.

36. Ссылаясь на справку администрации учреждения от 10 апреля 2008 года, Правительство утверждало, что средняя температура в камерах была от 20 до 23 градусов Цельсия и зимой, и летом. Пол был покрыт деревянными досками, которые были четыре сантиметра шириной. Согласно заявителю, осенью и весной, когда отопления не было, в камерах было очень холодно. Она была вынуждена спать в шерстяной одежде. Пол в камерах был цементным, покрытым тонким деревянным настилом, и ходить по нему было холодно.

37. Из тех же справок, представленных Правительством, следует, что камеры были оборудованы унитазом, раковиной и краном с холодной и горячей водой. От жилого пространства они были отделены перегородкой высотой 167 сантиметров в камере № 32 и 137 сантиметров в камере № 52. Туалетные принадлежности и дезинфицирующие средства выдавались регулярно. В камере № 32 стол для приема пищи находился на расстоянии 0,63 метра от туалета, в то время как в камере № 52 расстояние между туалетом и столом для приема пищи составляло 2,90 метра. Заявитель не согласилась с этим описанием. Она заявила, что санузел находился в углу камеры. С одной стороны действительно была перегородка, но другая сторона была не заслонена, так что человек, пользующийся туалетом, был на виду у других заключенных и охранников. Стол для приема пищи был прикреплен к полу на расстоянии менее одного метра от туалета, а койки находились на расстоянии 1,5 метра от него. Туалетные принадлежности и дезинфицирующие средства не выдавались. Горячая вода из крана в камере не шла, но заключенным разрешалось пользоваться кипятилниками.

38. Правительство утверждало, что заключенным позволялось принимать душ раз в неделю и в это время предоставлялось чистое постельное белье и полотенца. Температура в душевой комнате была 31 градус Цельсия, в то время как температура воды составляла 70 градусов Цельсия. Температура воды могла регулироваться охранниками в случае поступления просьбы. Согласно заявителю, заключенным позволялось принимать душ раз в неделю в течение 10 или 15 минут. Вода была слишком горячая. Просьбы к охранникам отрегулировать температуру воды отнимали время и поэтому заключенные не имели достаточно времени для того, чтобы принять душ. Зимой в раздевалке было так холодно, что дверь покрывалась льдом.

39. В заключение Правительство указало, что заключенным предоставлялось достаточное количество питательной еды. В каждой камере имелись бачки с кипяченой питьевой водой. Заявитель утверждала, что пища была безвкусной, и она не могла заставить себя

есть ее. Заключенным не предоставлялась питьевая вода, и они были вынуждены пить воду из-под крана, которая не отвечала санитарным требованиям.

3. Прогулки на открытом воздухе

40. Правительство утверждало, что заявителю каждый день предоставлялась часовая прогулка. Двор был размером 20,8 квадратных метров. Он был покрыт крышей для защиты заключенных от дождя. Все заключенные, содержащиеся в камере, выводились на прогулку одновременно. Количество заключенных, выводившихся на прогулку одновременно с заявителем, варьировалось между 4 и 7.

41. Заявитель не оспаривала размеры двора. Она утверждала, однако, что одновременно во двор выводилось до 12 заключенных. Стены были покрыты «шубой», бетонным абразивным покрытием, предназначенным для того, чтобы заключенные не прислонялись к стенам. Сверху была ржавая металлическая решетка. Когда шел дождь, ржавая вода лилась сверху на заключенных. Пол во дворе был бетонным, и ходить по нему было холодно. Во дворе было очень сильно накурено.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

42. Меры пресечения включают в себя подписку о невыезде, личное поручительство, залог и заключение под стражу (статья 98). При необходимости у подозреваемого или обвиняемого может быть взято обязательство о явке (статья 112 УПК).

43. При решении вопроса об избрании меры пресечения компетентные органы должны определить, имеются ли «достаточные основания полагать», что обвиняемый скроется от предварительного следствия или суда, совершит новое преступление или воспрепятствует установлению истины (статья 97). Также должны учитываться тяжесть обвинения, данные о личности обвиняемого, его или ее профессия, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (статья 99).

44. Заключение под стражу может быть применено судом в том случае, если за преступление, в совершении которого предъявлено обвинение, может быть назначено наказание в виде лишения свободы свыше двух лет, при условии, что более мягкая мера пресечения не может быть избрана (часть 1 статьи 108).

45. После задержания подозреваемый содержится под стражей «в течение предварительного расследования». Период содержания под стражей в течение расследования может быть продлен до шести месяцев, но только если заключенный обвиняется в совершении

тяжкого или особо тяжкого преступления. Продление свыше восемнадцати месяцев невозможно (части 1-3 статьи 109). Срок содержания под стражей «в течение предварительного следствия» исчисляется до того дня, когда прокурор направляет дело в суд (часть 9 статьи 109).

46. С момента направления прокурором дела в суд обвиняемый содержится под стражей «за судом» (или «в ходе судебного разбирательства»). Срок содержания под стражей исчисляется до дня вынесения приговора. Обычно он не может превышать шести месяцев, если дело касается тяжких или особо тяжких преступлений, суд, рассматривающий дело, может продлить содержание под стражей один или больше раз, но каждый раз не более чем на три месяца (части вторая и третья статьи 255).

47. Глава 22 Закона о содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления (Федеральный закон № 103-ФЗ от 15 июля 1995 года) гласит, что заключенные должны обеспечиваться пищей, достаточной для поддержания хорошего уровня их здоровья, согласно стандартам, устанавливаемым Правительством Российской Федерации. Глава 23 гласит, что заключенные должны содержаться в условиях, которые соответствуют санитарным и гигиеническим требованиям. Они должны обеспечиваться индивидуальным спальным местом и постельными принадлежностями, столовой посудой и туалетными принадлежностями. На каждого заключенного в его или ее камере должно приходиться не менее четырех квадратных метров личной площади.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

48. Заявитель жаловалась на то, что условия содержания ее под стражей в следственном изоляторе ИЗ-50/3 в Серпухове нарушали статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Приемлемость

49. Правительство утверждало, что заявитель не исчерпала доступные ей внутренние средства правовой защиты. В частности, она не пыталась компенсировать нематериальный вред путем обращения в суд. Как на доказательство эффективности этого средства,

Правительство ссылалось на статью в российской газете, повествующую о деле г-на Д., который заболел чесоткой во время содержания в следственном изоляторе, и которому Новгородским городским судом было присуждено 25,000 рублей в счет компенсации нематериального вреда. Далее Правительство ссылалось на решение Железнодорожного районного суда города Орла от 2 июня 2004 года, присудившего г-ну Р. 30,000 рублей в счет компенсации за незаконное содержание под стражей, которое длилось 56 дней и в течение четырех из которых его не кормили. Г-ну С. было присуждено 3,000 рублей за соответствующие требованиям условия содержания его под стражей решением Верховного Суда Республики Марий Эл от 14 марта 2006 года. Также заявитель имел возможность подать жалобу прокурору, и подобное обжалование, по мнению Правительства, было эффективным средством. Оно ссылалось на улучшения в условиях содержания, которые имели место в ответ на жалобы, поданные в прокуратуру г-ном Н., г-ном Д. и г-ном Ш. (был создан медицинский отдел, были закуплены лекарства и были выполнены ремонтные работы). Правительство заявило, что 13 % жалоб о предполагаемых случаях содержания под стражей в не соответствующих требованиям условиях были признаны обоснованными в 2007 году, в то время как в первой половине 2006 года прокуроры сочли обоснованными 18 % жалоб.

50. Далее Правительство утверждало, что Суд правомочен проверять условия содержания заявителя под стражей только в течение шести месяцев, предшествующих подачи жалобы. Правительство привело довод о том, что содержание заявителя под стражей не было длящейся ситуацией, поскольку она неоднократно переводилась из одной камеры в другую и условия ее содержания в различных камерах изменялись. Более того, если бы заключенным позволялось жаловаться на длинные периоды содержания под стражей, это наложило бы на власти непропорционально тяжелое бремя по восстановлению документов следственного изолятора в течение неопределенного периода времени. Соответственно, Правительство просило Суд отклонить жалобы заявителя, касающиеся периода до 24 июня 2007 года в связи с несоблюдением правила шестимесячного срока.

51. Заявитель указала, что она поднимала вопрос о плохих условиях содержания под стражей в судебных слушаниях. Она последовательно упоминала бесчеловечные условия в своих кассационных жалобах. Однако суды игнорировали ее жалобы. Далее она привела довод о том, что содержание ее под стражей являлось длящейся ситуацией. В течение большей части срока ее содержания под стражей она содержалась в переполненной камере № 32, за исключением нескольких дней в сентябре 2007 года, когда была временно переведена в камеру № 52.

52. Суд отмечает, что в делах «Мамедова против России» (по. 7064/05, § 57, 1 июня 2006) и «Бенедиктов против России» (по. 106/02, §§ 29-30, 10 мая 2007), в сравнимых обстоятельствах, он счел, что Правительство не продемонстрировало, каким образом могло исправить ситуацию обращение заявителя в прокуратуру или суд, учитывая, что проблемы, поднимаемые условиями содержания заявителя под стражей, очевидно, имели системный характер, и не касались только личной ситуации заявителя. В этом схожем деле, Правительство не представило доказательств, способных заставить Суд отойти от этих выводов применительно к существованию эффективных внутренних средств правовой защиты от системной проблемы переполненности в российских следственных изоляторах. Хотя Правительство сослалось на три дела, в которых национальные суды компенсировали заключенным нематериальный ущерб за несоответствующие условия содержания под стражей, Суд отмечает, что в этих делах компенсация была присуждена за заражение заключенного чесоткой или за непредоставление заключенному пищи. Ничто в этих делах не касалось содержания под стражей в переполненных камерах. Более того, Правительство не представило копии судебных решений, процитированных им. Не представило оно и решения прокурора, на которые ссылались. Таким образом, Суд отклоняет довод Правительства о неисчерпании внутренних средств.

53. Что касается довода Правительства о несоблюдении правила шестимесячного срока, Суд отмечает, что заявитель содержалась под стражей в одном и том же следственном изоляторе с 11 октября 2006 года по 7 мая 2008 года. Длительная природа ее содержания, одинаковое описание ею основных условий содержания во всех камерах в следственном изоляторе и утверждение о сильной переполненности как основная характеристика условий ее содержания под стражей в обеих камерах, в которых она содержалась, дают основания рассматривать содержание заявителя под стражей в период с 11 октября 2006 года по 7 мая 2008 года как единое целое, без деления его на отдельные периоды (смотри схожее обоснование в *Guliyev v. Russia*, по. 24650/02, §§ 31-33, 19 июня 2008, и *Benediktov*, цитированное выше, § 31). Суд не упускает из виду довод Правительства о том, что конкретные аспекты условий содержания заявителя под стражей в разных камерах различались. Однако, отсюда не следует, что эти различия позволяют различать условия содержания заявителя под стражей или разделить период ее содержания на разные периоды в зависимости от камер, в которых она содержалась. Следовательно, Суд отклоняет довод Правительства о несоблюдении правила шестимесячного срока.

54. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной согласно статье 35 § 3 Конвенции. Далее Суд отмечает, что

отсутствуют другие основания для признания жалобы неприемлемой. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Доводы

1. Аргументы сторон

55. Правительство указывает, что условия содержания заявителя под стражей были удовлетворительными. Оно признало, что следственный изолятор ИЗ-50/3 в Серпухове был переполненным. Однако власти делали все от них возможное для улучшения там условий содержания. У заявителя было достаточно личного пространства и ей всегда были предоставлены индивидуальная койка и постельные принадлежности. Она могла свободно передвигаться и делать упражнения в своей камере и, каждый день по часу, в прогулочном дворе. Санитарные и гигиенические нормы соблюдались. В целом, условия содержания заявителя под стражей были совместимы с требованиями статьи 3. В подтверждение своих доводов Правительство представило черно-белые фотографии камер, в которых содержалась заявитель. Также оно представило выдержки из регистрационных журналов, составленные администрацией учреждения 10 апреля 2008 года, и демонстрирующие количество заключенных в камерах заявителя на конкретные даты (смотри параграф 32 выше).

56. Заявитель настаивает, что ее камера была переполнена. Количество заключенных в камере было больше, чем указано Правительством, и у нее не всегда было спальное место. Она обратила внимание Суда на тот факт, что представленные Правительством выдержки из регистрационных журналов демонстрируют количество заключенных только на конкретные даты, и указала, что Правительство намеренно выбрало дни, когда ее камера не была переполнена, и пропустило те, когда она была заполнена сверх ее проектной вместимости. Учитывая, что другие камеры в следственном изоляторе были сильно и регулярно переполнены, что Правительство признало, невероятно, что камера заявителя никогда не была затронута данной проблемой. Заявитель также оспаривает описание Правительством санитарных условий как фактически неверное. Ее камеры были плохо освещены, в них было холодно, душно и плохо пахло. Устройство туалета не обеспечивало уединенности. Искусственное освещение никогда не выключалось, мешая заявителю спать. Хотя Правительство отрицало наличие насекомых, из справки администрации следственного изолятора от 10 апреля 2008 года следует, что камеры регулярно очищались с целью снижения количества грызунов и насекомых (смотри параграф 35 выше).

Использование слова «снижение» подразумевает, по мнению заявителя, то, что камеры были заражены паразитами, и что дезинфекция, проводимая администрацией учреждения, не была успешной, поскольку популяция паразитов в связи с ней снижалась, а не уничтожалась. Далее заявитель утверждала, что не имела реальной возможности для прогулок на открытом воздухе, поскольку прогулочные дворы были переполнены, а также покрыты металлической решеткой, которая сильно ограничивала поступление свежего воздуха. В подтверждение своих доводов заявитель представила показания г-жи Б., которая содержалась в камере № 32 того же учреждения в период с 15 января по 6 июня, и показания г-жи К., которая содержалась в соседней камере.

2. Оценка Суда

57. Суд отмечает, что стороны оспаривают конкретные аспекты условий содержания заявителя под стражей. Однако у Суда отсутствует необходимость устанавливать достоверность всякого и каждого утверждения, поскольку Суд приходит к выводу о нарушении статьи 3, основываясь на тех фактах, которые Государство-ответчик не оспорило.

58. Личное пространство, которое было предоставлено заявителю, является основным вопросом для оценки Суда. Главная характеристика, которую стороны не оспаривают, это размер камер. Однако, заявитель утверждает, что она вмещала в себя до 12 человек, что превышало ее проектную вместимость. Правительство признало то, что следственный изолятор в целом был переполнен, но утверждало, что это обстоятельство не затронуло камеры заявителя. Оно указывало, что количество заключенных в камере никогда не превышало количество коек, и что в камерах заявителя никогда не содержалось более 8 человек.

59. Суд напоминает, что Конвенционное судопроизводство, как, например, производство по настоящему делу, не во всех делах сопровождается строгим соблюдением принципа *affirmanti incumbit probatio* (тот, кто утверждает что-либо, должен доказать это утверждение), поскольку в некоторых случаях Государство-ответчик является единственным, кто имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть эти утверждения. Непредоставление Правительством такой информации без надлежащего объяснения может привести к выводу об обоснованности утверждений заявителя (смотри, среди других, *Fadeyeva v. Russia*, no. 55723/00, § 79, ECHR 2005-IV, and *Ahmet Özkan and Others v. Turkey*, no. 21689/93, § 426, 6 апреля 2004).

60. Применяя вышеуказанные принципы в настоящем деле, Суд приходит к выводу, что Правительство не представило информацию, которая способна опровергнуть утверждения заявителя. В своих возражениях, касающихся количества заключенных, Правительство процитировало заявления начальника следственного изолятора, демонстрирующих, что в камерах заявителя содержалось от 5 до 8 заключенных. Эти заявления были подкреплены выдержками из регистрационных журналов, демонстрирующих количество заключенных в камерах (смотри выше параграф 32). Суд, однако, отмечает, что Правительство предпочло представлять выдержки только на конкретные даты, и находит такое неполное и выборочное доказательство неубедительным. Суд находит, что Правительство не сослалось на какие-либо доказательства, на основании которой оно сделало утверждение о том, что в камерах заявителя никогда не содержалось более 8 заключенных и не представило документы, на основании которых это утверждение могло быть проверено. Справки начальника и выдержки из журналов представляют для Суда небольшую доказательственную ценность (смотри схожее обоснование в деле *Sudarkov v. Russia*, по. 3130/03, § 43, 10 июля 2008). Суд также берет во внимание признание Правительством того факта, что следственный изолятор в рассматриваемый период был перенаселен. Это не делает убедительным утверждение Правительства, не подтвержденное убедительными документальными доказательствами, о том, что камера заявителя оставалась не затронутой этой проблемой.

61. Далее Суд отмечает, что утверждения заявителя о сильной переполненности и недостатке спальных мест подтверждаются письменными показаниями лиц, содержащихся в том же следственном изоляторе в то же время. Более того, национальные суды сочли утверждения заявителя о стесненных условиях обоснованными (смотри параграф 29 выше). В отсутствие убедительных официальных данных о количестве заключенных в камерах заявителя, Суд рассмотрит дело на основании утверждение заявителя.

62. Согласно заявителю, количество заключенных в камере № 32 временами превышало количество спальных мест. Следовательно, Суд находит установленным, исходя из стандартов доказывания, гарантированных статьей 3 Конвенции, что камера № 32, в которой заявителя содержалась большую часть времени, временами была заполнена сверх ее проектной вместимости, и что заявитель не имела спального места, которое она могла назвать своим. Более того, на нее приходилось менее, чем 3 квадратных метра личного пространства, и иногда ее личное пространство уменьшалось менее, чем до 2 квадратных метров. Даже когда наполненность камеры была ниже ее проектной вместимости и в ней содержалось 7 или 8 заключенных – такие случаи не оспаривались Правительством – на заявителя

приходилось 3 квадратных метра личного пространства или менее этого. Заявитель содержалась в своей камере взаперти день и ночь, исключая один час в день на прогулки на открытом воздухе. Суд в этой связи напоминает, что в предыдущих делах, где заявители имели в своем распоряжении менее 3 квадратных метров личного пространства, он приходил к выводу, что переполненность была настолько сильна, чтобы сама по себе оправдать вывод о нарушении статьи 3 Конвенции. Таким образом, нет необходимости оценивать другие аспекты материальных условий содержания под стражей (смотри, например, *Lind v. Russia*, no. 25664/05, § 59, 6 декабря 2007; *Kantyrev v. Russia*, no. 37213/02, §§ 50-51, 21 июня 2007; *Andrey Frolov v. Russia*, no. 205/02, §§ 47-49, 29 марта 2007; *Mamedova*, указанное выше, §§ 61-67; *Mayzit v. Russia*, no. 63378/00, § 40, 20 января 2005; и *Labzov v. Russia*, no. 62208/00, § 44, 16 июня 2005).

63. Исходя из своих прецедентов по данной теме и материалов, представленных сторонами, Суд отмечает, что Правительство не представило фактов или аргументов, способных убедить его прийти к другому выводу в настоящем деле. Того, что заявитель была вынуждена жить, спать и пользоваться туалетом в камере, где содержалось большое количество заключенных, самого по себе достаточно для причинения страданий или мучений такой степени, которая превышает тот уровень страданий, который неизбежен при содержании под стражей.

64. Суд делает вывод о том, что содержанием заявителя в переполненной камере национальные власти подвергли ее бесчеловечному и унижающему ее достоинство обращению. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции применительно к условиям содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе № ИЗ-50/3.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 3 КОНВЕНЦИИ

65. Заявитель жалуется на нарушение ее права на судебное разбирательство в разумный срок и утверждает, что постановления о продлении срока содержания под стражей не были надлежащим образом обоснованы. Она ссылается на статью 5 § 3 Конвенции, которая гласит:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. Приемлемость

66. Правительство просило Суд отклонить жалобу заявителя, которая касалась периода содержания под стражей до 24 июня 2007 года. По его мнению, Суд правомочен проверять жалобу заявителя на содержание под стражей только в части, касающейся шести месяцев, предшествующих подаче жалобы. Далее Правительство указывало, что заявитель не может больше считаться жертвой нарушения статьи 5 § 3 Конвенции. 7 мая 2008 года Верховный Суд счел, что продолжительность ее содержания под стражей чрезмерна и определил освободить ее из-под стражи. Предполагаемое нарушение ее прав, таким образом, было устранено. После ее освобождения ее из-под стражи заявитель могла подать гражданский иск о компенсации материального и нематериального вреда, вытекающего из ее незаконного содержания под стражей.

67. Заявитель утверждала, что в прецедентной практике Суда отсутствуют основания для утверждения Правительства о том, что содержание ее под стражей должно быть разделено на отдельные периоды с целью проверки соблюдения правила шестимесячного срока. Далее она указывала, что освобождение ее из-под стражи не лишило ее статуса жертвы. Верховный Суд счел лишь, что постановление о продлении срока содержания под стражей от 17 марта 2008 года было немотивированным и необоснованным. Кассационное определение от 7 мая 2008 года не содержит указаний на нарушение прав заявителя в течение предыдущих месяцев ее содержания под стражей. В отсутствие подобных указаний подача гражданского иска для возмещения ущерба не имела каких-либо шансов на успех.

68. Суд полагает, что лицо, утверждающее о нарушении статьи 5 § 3 Конвенции в отношении продолжительности его или ее содержания под стражей, жалуется на длящуюся ситуацию, которая должна считаться единым целым и не делиться на отдельные периоды, как это предлагается Правительством (смотри, *mutatis mutandis*, *Solmaz v. Turkey*, № 27561/02, §§ 29 и 37, ECHR 2007-... (выдержки)). Начиная с дня заключения ее под стражу – 3 октября 2006 года, заявитель оставалась под стражей до 7 мая 2008 года. Следовательно, Суд считает, что в его компетенцию входит проверка всего периода ее содержания под стражей и отклоняет возражения Правительства относительно несоблюдения правила шестимесячного срока.

69. Далее Суд напоминает, что «решение или меры в пользу заявителя не являются в принципе достаточными для того, чтобы заявитель утратил свой статус «жертвы», до тех пор, пока национальные власти прямо или фактически не признали нарушение Конвенции и затем не возместили вред» (смотри, например, *Amuur v.*

France, постановление от 25 июня 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III, p. 846, § 36, и *Dalban v. Romania* [GC], № 28114/95, § 44, ECHR 1999-VI). Суд отмечает, что 7 мая 2008 года Верховный Суд постановил освободить заявителя из-под стражи в связи с тем, что ее дальнейшее содержание под стражей было бы необоснованным. Это не означает, однако, что содержание ее под стражей в течение предыдущего периода не было достаточно обосновано или превысило разумное время. Решение от 7 мая 2008 года не может, следовательно, рассматриваться как признание, даже фактически, нарушения права заявителя на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Более того, Суд не убеждает довод Правительства о том, что заявитель могла достигнуть восстановления нарушенного права путем подачи гражданского иска о возмещении вреда. Суд уже приходил к выводу о том, что российское законодательство не устанавливает ответственности государства за содержание под стражей, которое не основывается на «релевантных и достаточных» причинах или превышает «разумный срок». Такое положение в российском законодательстве исключает наличие у заявителя какой-либо правовой возможности получить компенсацию за содержание под стражей, которое повлекло за собой нарушение статьи 5 § 3 Конвенции (смотри *Korshunov v. Russia*, no. 38971/06, § 62, 25 октября 2007, и *Govorushko v. Russia*, no. 42940/06, § 60, 25 октября 2007). Следовательно, Суд приходит к выводу, что заявитель по-прежнему может считаться «жертвой» нарушения статьи 5 § 3 Конвенции и отклоняет возражения Правительства.

70. Суд считает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Далее Суд отмечает, что никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено. Поэтому жалоба должна быть признана приемлемой.

В. Доводы

1. Аргументы сторон

71. Правительство утверждает, что решения, на основании которых заявитель содержалась под стражей, были законными и обоснованными. Заявитель обвинялась в совершении особо тяжких преступлений. Кроме того, она подозревалась в том, что является лидером организованной преступной группы, занимающейся поставками наркотиков, и представляла повышенную опасность для общества. Ссылаясь на дело «Контрада против Италии» (24 августа 1998, § 67, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-V), Правительство указывало, что ее членство в организации мафиозного типа со строгой иерархической структурой и значительной возможностью по

запугиванию усложнило и удлинило расследование по уголовному делу. Что касается личности заявителя, то тест на употребление наркотических средств был положительным, она отказалась предоставлять доказательства против своих соучастников или сотрудничать со следственной группой, и, в случае освобождения, она, вероятно, могла скрыться, совершить новое преступление или повлиять на свидетелей или воспрепятствовать расследованию и судебному разбирательству каким-либо другим способом. Она не предоставила гарантий того, что она явится в суд. Правительство считало, что содержание заявителя под стражей было обосновано «релевантными и достаточными» причинами.

72. Заявитель полагала, что не имелось «релевантных и достаточных» причин для содержания ее под стражей в течение года и семи месяцев. Национальные власти постоянно продлевали ей срок содержания под стражей, ссылаясь в первую очередь на тяжесть обвинения и не приводя конкретных фактов в поддержку их вывода о том, что она может скрыться, вмешаться в расследование или совершить новое преступление. Она утверждала, что подобных рисков не имелось. У нее было слабое здоровье, она имела положительные характеристики, не была судима, имела постоянное место жительства и место работы, и ее брат умирал от рака. Более того, она предлагала внести залог. Хотя ее тест на употребление наркотиков был положительным, Верховный Суд пришел к выводу, что это не может служить основанием для содержания ее под стражей в отсутствие каких-либо медицинских данных о наркотической зависимости. Необходимость проведения дальнейшего расследования не могла оправдывать ее содержание под стражей после сентября 2007 года, поскольку к этому времени расследование уже было завершено. Какие-либо следственные действия в течение последующих месяцев ее содержания под стражей не проводились.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

73. Суд напоминает, что наличие разумного подозрения, что лицо совершило преступление, является условием *sine qua non* законности продлеваемого содержания под стражей. Однако по истечении некоторого периода времени этого становится недостаточно. В таких случаях Суд должен установить, имелись ли другие основания, приведенные судебными властями, которые продолжали оправдывать лишение свободы. В тех случаях, где такие основания были «релевантными» и «достаточными», Суд должен также выяснить, проявили ли компетентные национальные власти «особое усердие» в

ходе производства по делу (смотри *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, §§ 152 and 153, ECHR 2000-IV).

74. Существует презумпция освобождения лица из-под стражи. Как последовательно указывал Суд, вторая часть статьи 5 § 3 не дает судебным властям выбора между преданием обвиняемого суду в течение разумного срока или освобождением его до суда. До момента осуждения обвиняемого должна презюмироваться его невиновность, и цель нормы в основном заключается в требовании его освобождения, как только его непрерывное содержание под стражей становится неразумным. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, всегда должно освобождаться из-под стражи в преддверии суда, если только Государство не сможет продемонстрировать, что имеются «релевантные и достаточные» причины для оправдания продолжаемого содержания под стражей (смотри, среди других источников, *Castravet v. Moldova*, no. 23393/05, §§ 30 и 32, 13 марта 2007; *McKay v. the United Kingdom* [GC], no. 543/03, § 41, ECHR 2006-...; *Jabłoński v. Poland*, no. 33492/96, § 83, 21 декабря 2000; и *Neumeister v. Austria*, 27 июня 1968, § 4, Series A no. 8). Статья 5 § 3 Конвенции не может рассматриваться как безусловно разрешающая содержание под стражей при условии, что оно не длится дольше определенного периода. Обоснование для любого периода содержания под стражей, независимо от того, насколько он короток, должно быть убедительно продемонстрировано властями (смотри *Shishkov v. Bulgaria*, no. 38822/97, § 66, ECHR 2003-I (выдержки)).

75. На национальных властях лежит обязанность устанавливать наличие конкретных фактов, служащих основанием для непрерывного содержания под стражей. Перекалывание бремени доказывания на содержащееся под стражей лицо в таких случаях равносильно отказу от соблюдения статьи 5 Конвенции, согласно которой содержание под стражей является исключительным отступлением от права на свободу и возможно только в строго определенных и исчерпывающе указанных случаях (смотри *Rokhlina v. Russia*, no. 54071/00, § 67, 7 апреля 2005, и *Pijkov v. Bulgaria*, no. 33977/96, §§ 84-85, 26 июля 2001). Национальные судебные власти должны проверять все факты, подтверждающие наличие или отсутствие насущного общественного интереса, оправдывающего, с учетом принципа презумпции невиновности, отступление от принципа уважения индивидуальной свободы, и должны четко изложить их в своих решениях, отказывающих в ходатайствах об освобождении из-под стражи. В задачу Суда не входит установление подобных фактов и подмена национальных властей, которые принимали решения о продлении срока содержания под стражей. В основном Суд будет устанавливать, имело ли место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции, на основе причин, указанных в решениях национальных судов, и достоверных фактов, упомянутых

заявителем в своих кассационных жалобах (смотри *Korchuganova v. Russia*, no. 75039/01, § 72, 8 июня 2006; *Ilijkov*, указанное выше, § 86; и *Labita*, указанное выше, § 152).

(b) Применение в настоящем деле

76. Заявитель была задержана 3 октября 2006 года. Она была освобождена из-под стражи под залог 7 марта 2008 года. Период, который должен быть принят во внимание, продлился чуть более одного года и семи месяцев.

77. Сторонами не оспаривается, что первоначально содержание заявителя под стражей обусловлено разумным подозрением ее в участии в поставках наркотиков. Остается выяснить, привели ли судебные власти «релевантные» и «достаточные» основания для оправдания ее непрерывного содержания под стражей и проявили ли они «особое усердие» в ходе производства по делу.

78. Тяжесть обвинений была главным фактором для оценки возможности заявителя скрыться, совершить новое преступление или воспрепятствовать осуществлению правосудия. Однако Суд неоднократно устанавливал, что хотя суровость возможного осуждения и является релевантным элементом в оценке риска того, что обвиняемый скроется или совершит новое преступление, необходимость непрерывного лишения свободы не может оцениваться исходя из чисто абстрактной точки зрения, принимая во внимание только тяжесть преступления. Продление срока содержания под стражей не может использоваться как ожидание осуждения лица к лишению свободы (см. *Letellier v. France*, 26 июня 1991, § 51, Series A no. 207; также см. *Panchenko v. Russia*, no. 45100/98, § 102, 8 февраля 2005; *Goral v. Poland*, no. 38654/97, § 68, 30 октября 2003; and *Ilijkov*, указанное выше, § 81). Суд, следовательно, проверит, были ли другие основания, на которые ссылались национальные суды, достаточными для того, чтобы оправдать содержание заявителя под стражей.

79. Суд готов принять утверждение о том, что существовали релевантные и достаточные основания для содержания заявителя под стражей в течение времени, которое было необходимо для завершения расследования. Хотя отказ заявителя назвать своих соучастников не может служить оправданием ее содержания под стражей, поскольку она не была обязана сотрудничать с властями и ее нельзя винить за то, что она в полной мере воспользовалась своим правом на молчание (смотри *Mamedova*, указанное выше, § 83, и, *mutadis mutandis*, *Yağcı and Sargin v. Turkey*, 8 июня 1995, § 66, Series A no. 319-A, и *W. v. Switzerland*, 26 января 1993, § 42, Series A no. 254-A), Суд принимает во внимание то, что власти могли оправданно полагать, что риск вмешательства в расследование первоначально существовал, принимая

во внимание, что заявитель подозревалась в лидерстве в организованной преступной группе. В делах, касающихся организованной преступности, риск того, что заключенный, в случае освобождения из-под стражи может оказывать давление на свидетелей или иным образом может воспрепятствовать производству по делу, зачастую особо высок. Эти факторы могут оправдать относительно длительный период содержания под стражей. Однако, они не дают властям неограниченную возможность продлевать эту меру пресечения (смотри *Osuch v. Poland*, no. 31246/02, § 26, 14 ноября 2006; и *Celejewski v. Poland*, no. 17584/04, §§ 37-38, 4 мая 2006). Суд убежден, что в конкретных обстоятельствах настоящего дела презумпция того, что заявитель была лидером организованной преступной группы, могла служить достаточным основанием содержания ее под стражей только пока расследование продолжалось. Расследование было проведено с должной быстротой и завершено в течение года, что не является чрезмерно долгим сроком, учитывая относительную сложность дела, количество обвиняемых и необходимость сбора значительного количества доказательств. Однако, после того, как доказательства были собраны, свидетели были допрошены и расследование завершено, ссылка на риск вмешательства в производство по делу стала менее релевантной. По мнению Суда, после завершения расследования в сентябре 2007 года, она не была больше сама по себе достаточной для того, чтобы перевешивать право заявителя на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

80. Однако национальные суды не ссылались на какие-либо другие основания, которые могли бы расцениваться как достаточные для оправдания содержания заявителя под стражей после сентября 2007 года. Ссылку областного суда в постановлении о продлении срока содержания под стражей от 17 марта 2008 года на положительный результат теста заявителя на употребление наркотиков Верховный Суд счел нерелевантной (смотри § 29 выше). Суд не видит каких-либо причин отходить от вывода Верховного Суда. Поэтому он делает вывод о том, что национальные суды не указали на какие-либо аспекты личности или поведения заявителя, которые могли бы оправдать их вывод о том, что существовал постоянный риск того, что она скроется или совершит новое преступление. С другой стороны, заявитель постоянно приводила факты, уменьшающие подобный риск. Однако, национальные суды не уделяли внимания обсуждению доводов заявителя о том, что у нее слабое здоровье, положительные характеристики, что она не судима, имеет постоянное место жительства и работы, и что ее брат был смертельно болен. Так было до мая 2008 года, когда Верховный Суд впервые рассмотрел эти факторы, и, найдя, что они сводят на нет риск того, что заявитель скроется или

совершит новое преступление, пришел к выводу об отсутствии основания для дальнейшего содержания заявителя под стражей.

81. Далее Суд отмечает, что при определении того, должно ли лицо быть освобождено или должно содержаться под стражей, власти в соответствии со статьей 5 § 3 обязаны рассмотреть альтернативные меры обеспечения его или ее явки в суд. Это положение Конвенции провозглашает не только право «на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда», но также устанавливает, что «Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд» (смотри *Sulaoja v. Estonia*, no. 55939/00, § 64 *in fine*, 15 February 2005, и *Jabłoński*, указанное выше, § 83). Суд полагает, что после того, как расследование было окончено, национальные власти должны были обратить особое внимание возможности применения залога как гарантии против побега. Однако, они не рассмотрели такую возможность до мая 2008 года, то есть около 8 месяцев спустя после окончания расследования, хотя заявитель много раз предлагала внесение залога.

82. Наконец, Суд отмечает, что хотя расследование было окончено в сентябре 2007 года, в мае 2008 года дело по-прежнему было не готово для направления его в суд. Правительство не представило какого-либо объяснения этой восьмимесячной задержке.

83. Суд часто приходил к выводу о нарушении статьи 5 § 3 Конвенции в российских делах, когда национальные суды продлевали срок содержания заявителей под стражей, ссылаясь в основном на тяжесть обвинения и используя стереотипные формулировки без приведения конкретных фактов или рассмотрения альтернативных мер пресечения (see *Belevitskiy v. Russia*, no. 72967/01, §§ 99 et seq., 1 марта 2007; *Khudobin v. Russia*, no. 59696/00, §§ 103 et seq., ECHR 2006-... (выдержки); *Mamedova v. Russia*, указанное выше, §§ 72 et seq.; *Dolgova v. Russia*, указанное выше, §§ 38 et seq.; *Khudoyorov v. Russia*, указанное выше, §§ 172 et seq.; *Rokhlina v. Russia*, указанное выше, §§ 63 et seq.; *Panchenko v. Russia*, указанное выше, §§ 91 et seq.; and *Smirnova v. Russia*, nos. 46133/99 и 48183/99, §§ 56 et seq., ECHR 2003-IX (выдержки)).

84. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что не учитывая конкретную ситуацию или не рассматривая альтернативные меры пресечения и ссылаясь в основном на тяжесть обвинения, власти продлили срок содержания заявителя под стражей на таких основаниях, которые, хотя и были «релевантными», не могли рассматриваться как «достаточные» для всего периода содержания под стражей. Также расследование не было проведено с «особым усердием».

85. Соответственно, имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

86. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

87. Заявитель просила 20,000 евро в счет возмещения нематериального вреда.

88. Правительство утверждало, что требование является чрезмерным и не подтверждается какими-либо документами.

89. Суд отмечает, что пришел к выводу о сочетании в настоящем деле серьезных нарушений. Заявитель в течение одного года и семи месяцев содержалась под стражей, в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях. Более того, содержание ее под стражей не было основано на достаточных основаниях. При таких обстоятельствах, Суд считает, что страдания и фрустрация заявителя не могут быть компенсированы одним лишь фактом установления нарушения. Принимая решение на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 15,000 евро в счет возмещения нематериального ущерба, плюс сумму любого налога, которыми она может облагаться.

B. Расходы и издержки

90. Заявитель просила 176,460 рублей в счет возмещения расходов на представительство. Она представила соглашения о правовой помощи и квитанции, подтверждающие, что она уже оплатила правовую помощь.

91. Правительство полагало, что расходы и издержки, которые заявитель просила компенсировать, не были необходимыми и разумными.

92. Исходя из прецедентной практики Суда, заявитель обладает правом на возмещение своих расходов и издержек в той мере, в которой будет продемонстрировано, что они были понесены на самом деле и были необходимы и разумны. В настоящем деле, исходя из имеющихся у Суда документов и вышеуказанных критериев, Суд считает необходимым присудить сумму в размере 4,000 евро плюс любые налоги, которыми она может облагаться.

С. Неустойка

93. Суд считает целесообразным, что неустойка должна основываться на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

ОСНОВЫВАЯСЬ НА ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Признает* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции;
4. *Постановляет*,
 - (a) что Государство-ответчик должно в течение трех месяцев со дня, когда в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции постановление станет окончательным, выплатить заявителю следующие суммы, конвертируемые в русские рубли по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) EUR 15,000 (пятнадцать тысяч евро) в счет возмещения нематериального ущерба;
 - (ii) EUR 4,000 (четыре тысячи евро) в счет возмещения расходов и издержек;
 - (b) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до выплаты взимается простой процент на вышеуказанную сумму по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в период просрочки платежа плюс три процентных пункта;
5. *Отклоняет* остальные просьбы заявителя по справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и составлено в письменном виде 28 мая 2009 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь Секции

Христос Розакис
Председатель